

Воспроизводство социальных норм в России*

А. В. Золотов¹, Н. А. Припузова^{1,2}

¹ *Институт национальных проектов (Москва, Россия)*

² *МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)*

В статье рассматривается неэффективное равновесие российских неформальных институтов, блокирующее экономическое развитие. Возможности выхода из неэффективного равновесия ограничены спецификой социальных норм, которые воспроизводятся в том числе в системе высшего образования. Высшее образование — один из наиболее эффективных каналов трансляции социальных норм. Согласно гипотезе о социализации Р. Инглхарта и гипотезе о «впечатлительных годах» П. Джулиано и А. Спилемберго, период, когда формируются ценности и поведенческие установки, приходится на раннюю взрослость — с 18 до 25 лет. В статье на основании данных лонгитюдного социологического исследования студентов российских вузов, проведенного в 2014–2016 гг. в 10 регионах России, продемонстрировано изменение социальных норм по мере обучения в университете. Показано, что у российских студентов за время этого обучения повышается лояльность к оппортунизму и нарушению правил.

Ключевые слова: институты, гражданская культура, институциональная ловушка.

JEL: O43, Z10, Z13.

В общественном и академическом дискурсах распространено мнение, что экономическое положение разных стран относительно друг

Золотов Антон Владимирович (azolotov@arett.ru), руководитель отдела прикладных исследований Института национальных проектов; *Припузова Надежда Анатольевна* (n.pripuzova@inr.ru), ген. директор Института национальных проектов, аспирант экономического факультета МГУ.

* Авторы выражают благодарность администрации и представителям вузов ФУМО, Тьюнинг-центру ЭФ МГУ за содействие в проведении исследования ценностей и общекультурных ценностей российских студентов экономических специальностей, а также А. А. Лузану, А. И. Бахтигараевой, В. А. Брызгалину, Е. Н. Никишиной и А. А. Ставинской за совместную работу и обсуждения в ходе исследования.

друга не меняется значительно в силу стабильности институциональной среды (Acemoglu et al., 2001; Easterly, Levine, 2003; Rodrik et al., 2004). Предполагается, что для каждой страны существует определенная траектория развития — «колея», заданная устройством институтов (Аузан, Никишина, 2013). Этот тезис обосновывается высокой корреляцией показателей дохода на душу населения в Европе начала XX в. и аналогичных показателей конца XX в., что объясняется долгосрочными институциональными эффектами (Guiso et al., 2016; Acemoglu et al., 2001). Формирование и упрочение экстрактивных (направленных на получение ренты, а не создание благ) институтов, происходившее в начале XX в. и ранее, в ряде стран до сих пор сдерживает рост экономики.

Применительно к России институты также показывают высокую степень стабильности — это отражает, в частности, динамика показателя верховенства права (Rule of Law¹). В 1996–2017 гг. российские показатели индекса верховенства права менялись незначительно: в интервале от $-1,09$ до $-0,73$, при возможной амплитуде показателя от $-2,5$ до $2,5$. В целом на протяжении 20 лет Россия оставалась в группе 30% стран с наименьшими показателями (наряду, например, с Пакистаном и Непалом). В странах — лидерах по показателю верховенства права (Швеция, Норвегия, Финляндия, Швейцария, Новая Зеландия, Дания, Нидерланды, Канада) тоже низкая амплитуда колебаний индекса на протяжении 20 лет. Однако в ряде стран наблюдаются и значительные изменения индекса: например, в Венесуэле с 2000 г. устойчиво снижается верховенство права с $-0,86$ в 2000 г. до $-2,18$ в 2016 г. Снижение индекса объяснимо на фоне реформ Уго Чавеса и его преемника Николаса Мадуро, ограничивающих свободы населения, а также реформ, которые привели к усилению зависимости экономики от ресурсов, к институциональному кризису в стране. Эксперты называют Венесуэлу сегодня «аномией», подчеркивая отсутствие социальных норм и институтов (Gan, 2020).

Есть примеры положительной динамики. Например, в Грузии показатель неизменно рос с $-0,71$ в 2005 г. до $0,36$ в 2016 г. (в 1996 г. индекс был равен $-1,26$, и далее его значения разнонаправленно колебались до 2005 г.). Такая динамика коррелирует со значительным изменением положения Грузии в рейтинге Doing Business: в 2019 г. Грузия занимала 7-е место². Индексы институциональной среды показывают, что институциональные демократические реформы (реформы полиции, налоговые реформы, приватизация) имели положительный эффект. Системные реформы не только улучшили качество формальных институтов, но и способствовали укреплению социальных норм в Грузии: по сравнению с 2005 г. увеличилась доля людей, порицаю-

¹ Показатель верховенства права отражает качество институциональной среды в стране, поскольку показывает, в какой степени население доверяет правилам в целом и соблюдает их. Верховенство права отражает восприятие обществом следующих институциональных аспектов: уровня исполнения контрактов, степени защиты прав собственности, качества работы полиции и судов, а также вероятности насилия и преступлений. World Bank, World Governance Indicators, <http://databank.worldbank.org/data/metadataglossary/worldwide-governance-indicators/series>

² <https://russian.doingbusiness.org/ru/data>

щих неуплату налогов, проезд зайцем в общественном транспорте, получение взяток³.

Описанные примеры быстрых изменений показателей в Венесуэле и Грузии — скорее исключения, чем правило. В чем же причина статичности показателя качества институциональной среды, особенно на разных полюсах рейтинга верховенства права (в странах-лидерах и аутсайдерах по показателю)?

Существует несколько концепций, в рамках которых объясняются стабильность показателей качества институтов и сложности перехода от низкого качества институтов к высокому. Эти концепции не противоречат, а скорее дополняют друг друга, описывая ситуацию с разных сторон.

Концепции неэффективного равновесия

Д. Норт, Дж. Уоллис и Б. Вайнгаст объясняют устойчивость институтов с помощью моделей общественной организации, или социальных порядков (Норт и др., 2011). Установившийся социальный порядок устойчив, поскольку это не просто набор институтов, а «двойной взаимный баланс» экономической и политической систем, или «фундаментальный способ организации общества», который поддерживается соглашением внутри доминирующей коалиции.

Авторы выделяют два современных социальных порядка — порядок ограниченного доступа и порядок открытого доступа. В рамках порядка ограниченного доступа элиты, не заинтересованные в потере ренты, ограничивают доступ населения к ресурсам (в том числе к образованию как ключевому ресурсу развития), тем самым блокируя развитие институтов и экономики. Это, в свою очередь, ограничивает возможности формирования гражданского общества, которое предъявляло бы спрос на эффективную работу государства. Без общественного контроля за работой государства элиты имеют возможность сохранять ренту, ограничивать политический и экономический плюрализм и конкуренцию. Таким образом, в порядках ограниченного доступа слабо развиты институты гражданской кооперации, которые позволили бы изменить неэффективное равновесие; ограничены возможности консолидации общества. Ключевая черта порядка открытого доступа, напротив, способность общества консолидироваться и оказывать независимое влияние на политический процесс.

На рентоориентированное поведение элит как ключевой фактор неэффективного общественного равновесия также указывают Д. Аджемоглу и Д. Робинсон в концепции экстрактивных (направленных на «эксплуатацию одной части общества для обогащения другой») и инклюзивных (стимулирующих «участие больших групп населения в экономической активности») институтов.

При доминировании экстрактивных институтов элиты поддерживают функционирование институтов, направленных на получение

---

³ Согласно данным World Values Survey. <http://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp>

максимальной ренты, и ограничивают доступ населения к ресурсам, что также блокирует развитие (Аджемоглу, Робинсон, 2015). Экономические и политические экстрактивные институты во взаимодействии образуют устойчивый «порочный круг», или неэффективное равновесие. Инклюзивные институты, напротив, поддерживают консолидацию общества — объединение населения в группы и участие в экономической и политической деятельности, обеспечивающих подотчетность государства.

В третьей концепции первопричиной стабильности институциональной среды считается баланс неэффективных формальных и неформальных институтов (Alesina, Giuliano, 2015; Полтерович, 1999). Такой баланс называют институциональной ловушкой в терминах В. Полтеровича (Полтерович, 1999).

Институциональная ловушка характеризуется состоянием, когда отдельный агент или малая группа несут потери, отклоняясь от некоторой неэффективной нормы. Выход из институциональной ловушки гипотетически возможен при одновременном переходе всех агентов к альтернативным эффективным институтам, что в реальной жизни практически невозможно в силу затрудненной координации. Так, без возможности скоординированного быстрого выхода из неэффективного равновесия, институциональная ловушка ведет к поддержанию стабильности неэффективных институтов (Полтерович, 1999) — например, неформальных процедур принятия (согласования) решений, выхолащивающих институты формальные, рентоориентированных моделей поведения, клиентелизма. Как и в рассмотренных случаях, наличие в стране гражданского общества, способного к консолидации и координации, рассматривается в качестве условия выхода из институциональной ловушки.

Все три концепции неэффективного институционального равновесия применимы при анализе российского опыта. Институциональная среда в России, безусловно, характеризуется порядком ограниченного доступа, доминированием экстрактивных институтов, существованием институциональных ловушек, затрудняющих кардинальное изменение качества институциональной среды. Норт, Уоллис и Вайнгаст говорят о наличии в России типичных признаков порядка ограниченного доступа: жесткой вертикали власти, контроля над СМИ и ослабления институтов гражданского общества (Норт и др., 2011). Институциональные ловушки в России послужили основой для формирования концепции Полтеровича — прежде всего, бартерная ловушка, ловушки неуплаты налогов, неплатежей и др.

Пути выхода из неэффективного равновесия

Несмотря на устойчивость неэффективных равновесий, авторы всех концепций указывают на возможные пути перехода к равновесию с высоким качеством институтов:

— Норт, Уоллис и Вайнгаст выделяют три «пороговых» условия для перехода к обществу открытого доступа: верховенство права для элит («законы для всех одинаковы»), постоянство форм организаций

(«организации переживают своих создателей»), консолидированный контроль над насилием (над вооруженными силами). Выполнить эти условия можно в обществе с развитой гражданской культурой, в котором возможны свободное объединение граждан в организации, поддержка конкуренции и безличность отношений (Уэйнгаст, 2009);

— Аджемоглу и Робинсон считают главной предпосылкой перехода к инклюзивным институтам наличие широкой коалиции разнородных сил, которое возможно при общественной консолидации (Аджемоглу, Робинсон, 2015);

— Полтерович выделяет микроэкономические (санкции, механизмы репутации) и макроэкономические (эволюция гражданского общества) меры выхода из институциональной ловушки (Полтерович, 2004). При этом микроэкономические меры (например, введение смертной казни за взятки в Китае в 1990-х годах) могут привести к нежелательным последствиям и в целом нацелены на точечные, а не системные изменения. Пример нежелательного последствия: замещение одной неэффективной нормы другой (например, при введении санкций за неплатежи фирмы уходят в теневой сектор экономики).

Ключевым условием выхода из институциональной ловушки является развитая *гражданская культура*. В данной работе гражданская культура определяется как способность общества к кооперации для создания общественных благ (отстаивания своих интересов, требования достоверности обязательств от власти и т. д.).

Например, ключевой «импульс к изменениям» в «хлопковых» штатах США (Алабама, Луизиана, Миссури) в 1960-е годы, когда началось движение в сторону инклюзивных институтов, был обеспечен гражданской культурой — консолидацией чернокожего населения для отстаивания своих прав (Аджемоглу, Робинсон, 2015). Впоследствии разрыв в экономических показателях южных штатов и средних показателей по США был сокращен с 50% практически до нуля к 1990 г.

Славная революция в Англии, результатом которой стала система инклюзивных институтов, состоялась в силу существования широкой коалиции, способной ограничить власть монарха и министров (Аджемоглу, Робинсон, 2015). Создание инклюзивных институтов повлекло за собой промышленную революцию и, как следствие, качественный скачок экономического развития.

Если гражданская культура — ключевой фактор перехода к новому социальному порядку, то закономерен вопрос: какой уровень гражданской культуры в России и есть ли возможности перехода?

Гражданскую культуру как способность общества к кооперации для создания общественных благ можно оценить разными способами:

— с помощью вторичных статистических данных — например, количества некоммерческих организаций на душу населения (Guiso et al., 2016; Weil, 1994);

— с помощью социологических опросных данных — показателей норм гражданской кооперации или более широко — социальных норм;

— с помощью социологических экспериментальных данных, например эксперимента «Диктатор», позволяющего оценить кооперативные намерения участников (Engel, 2011).

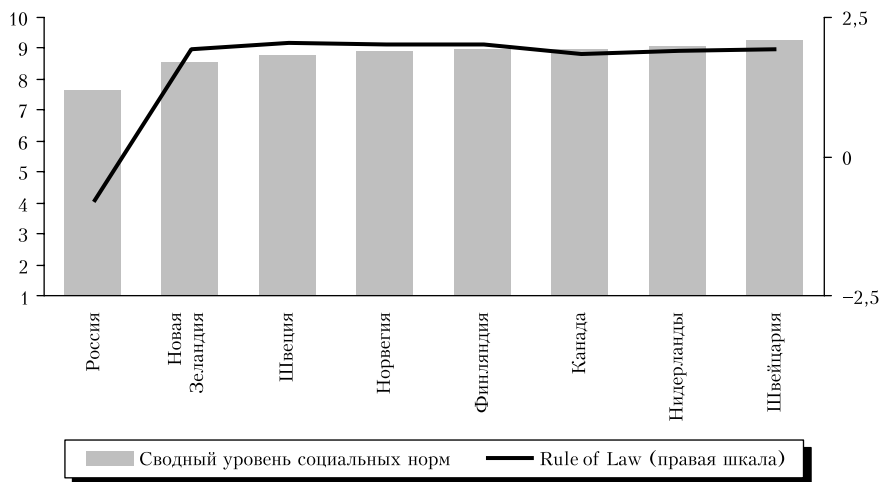
В нашей работе используются социологические данные. Для описания социальных норм используются вопросы, характеризующие отношение в обществе к оппортунизму — нарушению правил игры в собственных интересах. Они показывают, насколько допустимым люди считают нарушение правил. При лояльном отношении к оппортунизму снижаются стимулы к кооперации для создания общественных благ.

Во Всемирном исследовании ценностей⁴ ряд вопросов позволяют оценить социальные нормы. К классическим вопросам можно отнести следующие (Knack, Keefer, 1997):

- насколько заслуживает оправдания получение государственных пособий, на которые человек не имеет права?
- насколько заслуживает оправдания проезд зайцем в общественном транспорте?
- насколько заслуживает оправдания неуплата налогов, если есть такая возможность?
- насколько заслуживает оправдания получение взятки с использованием служебного положения?

Дескриптивный анализ указанных индикаторов показывает, что в странах с развитой институциональной средой (высоким уровнем индекса верховенства права) относительно более развиты социальные нормы (рис. 1). Это значит, что в странах — лидерах по качеству институтов общество отрицательно относится к нарушению правил, социальные нормы развиты, имеет место эффективное институциональное равновесие (Aghion и др., 2010).

Уровень социальных норм* в России в сравнении со странами-лидерами по индексу Rule of Law, за исключением Дании**

* Чем выше показатель, тем выше уровень развития социальной нормы: 1 = «Всегда заслуживает оправдания», 10 = «Никогда не заслуживает оправдания».

** Дания не участвовала в опросе 5-й волны World Values Survey.

Источник: WGI, 2017 ; WVS, 5 волна, 2005–2009. <http://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp>

Рис. 1

⁴ World Values Survey. <http://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp>

Неэффективное равновесие в России поддерживается слабо развитой гражданской культурой. Возможно ли развитие гражданской культуры в российском обществе путем формирования и распространения эффективных социальных норм?

Основным механизмом формирования и распространения норм может быть *система образования*, это обусловлено несколькими факторами. Во-первых, согласно «гипотезе о социализации» Р. Инглхарта, неформальные институты в большей степени подвержены изменениям в период «ранней взрослости» (с 16 до 25 лет) (Inglehart, 2008). Во-вторых, согласно «гипотезе о впечатлительных годах» (*impressionable years hypothesis*), период наибольшей ментальной пластичности приходится на возраст с 18 до 25 лет. Это доказано на примере поколений, чей период ранней взрослости пришелся на экономические кризисы и потрясения: представители таких поколений в последующем предъявляют более высокий спрос на справедливость и равенство⁵, чем другие когорты (Giuliano, Spilimbergo, 2013). В-третьих, система высшего образования и институциональная среда взаимозависимы: качество институтов отрицательно связано со спросом на специальности, в которых возможна «борьба за ренту» (юридические, экономические специальности) (Polishchuk, Natkhov, 2012). Привлекательность образования по рентоориентированным специальностям обусловлена институциональной средой, а рост числа специалистов в этой сфере увеличивает борьбу за ренту и делает экстрактивные институты более устойчивыми.

Показатели социальных норм, распространенных в образовательной системе, могут быть индикаторами возможности изменить гражданскую культуру в обществе в целом (его наиболее прогрессивной части). Например, распространенность списывания на экзаменах по математике высоко коррелирует со статистическими показателями гражданской культуры (количества НКО и донорских организаций на душу населения) (Guiso et al., 2016). Предполагается, что социальные нормы, связанные с отношением к списыванию, — своего рода индикаторы и одновременно предпосылки формирования неэффективных для общества в целом социальных норм, поскольку списывание — это своего рода «микромодель» более масштабного экстрактивного института, когда агент получает выгоду за счет эксплуатации окружающих.

Исследования феномена списывания показывают, что отношение к списыванию различается в зависимости от качества институциональной среды в стране, где живет респондент. Например, в Нидерландах — лидере по индексу верховенства права в большей степени порицают списывающих студентов, чем в России. Более того, если в Нидерландах порицают студентов, давших списать (таких же нарушителей правил, как и списавшие студенты), то в России таких студентов оправдывают и относятся к ним положительно (Magnus et al., 2002).

---

⁵ Представители таких поколений чаще согласны с утверждением, что «нужно уменьшить разницу доходов» (vs. «Нужно увеличить разницу доходов, чтобы люди прилагали больше усилий»), вопросы из World Values Survey. <http://www.worldvaluessurvey.org>.

Система образования (в первую очередь, высшего, поскольку период ранней взрослости приходится главным образом на время обучения в вузе) может быть важным механизмом распространения гражданской культуры в обществе. На это указывают исследования эффектов реальных программ гражданского обучения в Нидерландах, Бельгии, Франции (D'Agostino, 2006). Однако помимо специальных программ, направленных на гражданское обучение, на развитие социальных норм влияет обучение как таковое (Аузан, 2013). Так, получение высшего образования в целом показывает положительную связь с уровнем доверия в странах с качественной институциональной средой (Charron, Rothstein, 2016).

Возможности образования в России

Закономерно предположить, что система высшего образования способствует распространению социальных норм, которые доминируют в данном обществе. Для России это позволяет предположить, что в российских вузах воспроизводятся неэффективные социальные нормы, ведущие к упрочению институциональной ловушки и блокирующие развитие.

Для проверки этой гипотезы проведен анализ динамики социальных норм студентов российских вузов. Анализ основан на количественных опросных данных. В 2014–2016 гг.⁶ Институтом национальных проектов совместно с Тюнинг-центром Экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова было проведено исследование ценностей и компетенций студентов экономических специальностей российских вузов в 27 регионах России, а также вузов в Донецке и Ереване, входивших в сеть ФУМО по экономике и управлению, — всего 29 вузов⁷.

⁶ В ходе исследования получены панельные данные за три года.

⁷ ФУМО — Федеральное учебно-методическое объединение в сфере высшего образования по экономике и управлению. Вузы, принявшие участие в опросе: Астраханский государственный университет, Балтийский федеральный университет имени И. Канта, Белгородский государственный университет, Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского, Волгоградский государственный университет, Горно-Алтайский государственный университет, Донецкий государственный университет, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Ереванский государственный университет, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Новосибирский государственный университет, Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского, Оренбургский государственный университет, Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Поволжский государственный технологический университет, Самарский национальный исследовательский университет имени С. П. Королева, Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Сахалинский государственный университет, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, Северо-Кавказский федеральный университет, Сибирский федеральный университет, Томский государственный университет, Ульяновский государственный университет, Южный федеральный университет, Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова.

Описание выборки

Анализ панельных данных позволяет оценить «эволюцию» социальных норм студентов в процессе их обучения в университете (по мере взросления). Для анализа из 5025 наблюдений по студентам, обучавшимся на 1–4-м курсах очных отделений вузов по экономическим специальностям, были отобраны 314 студентов в 10 вузах, участвовавших хотя бы в двух волнах опроса (на 1, 3 и 4 курсах). Респонденты представляли 10 регионов России⁸, в каждом регионе за все время исследования было опрошено от 14 до 84 человек (см.: Бахтигараева, Ставинская, 2020. С. 99, табл. 1).

Результаты, полученные на данной выборке респондентов, были верифицированы на выборке студентов, участвующих в трех волнах опроса (71 студент из 8 вузов, 203 наблюдения) для большей точности результатов.

Описание модели

В основу анализа положена гипотеза о том, что *по мере взросления уровень развития социальных норм студентов российских вузов снижается*. Предполагается, что у студентов повышается лояльность по отношению к оппортунизму. Уровень социальных норм в анализе отражен с помощью семи показателей, измеряемых с помощью вопросов.

Насколько заслуживает оправдания:

1) получение государственных пособий, на которые человек не имеет права?⁹

2) проезд зайцем в общественном транспорте?

3) неуплата налогов, если есть такая возможность?

4) получение взятки с использованием служебного положения?

Представьте себе следующую ситуацию: кто-то из студентов сообщил в учебную часть, что один студент списал на экзамене у другого с разрешения последнего. Используя шкалу от 1 — «очень отрицательно» до 5 — «очень положительно», скажите, как Вы отнесетесь к каждому из этих студентов?

5) к студенту, который списал экзамен;

6) к студенту, который дал списать у него экзамен;

7) к студенту, который сообщил об этом в учебную часть.

⁸ Москва (МГУ имени М. В. Ломоносова); Астраханская область (Астраханский государственный университет); Волгоградская область (Волгоградский государственный университет); Красноярский край (Сибирский федеральный университет); Новгородская область (Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого); Новосибирская область (Новосибирский государственный университет); Омская область (Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского); Республика Марий Эл (Поволжский государственный технологический университет); Ульяновская область (Ульяновский государственный университет); Ярославская область (Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова).

⁹ Для вопросов 1–4 использована шкала от 1 до 10, где 10 — индикатор развитых эффективных социальных норм (нарушения правил порицаются, «никогда не заслуживают оправдания», а 1 — индикатор неразвитых эффективных социальных норм, нарушения правил «всегда заслуживают оправдания»).

Зависимые переменные — уровень социальных норм респондента, шкала которых устроена следующим образом:

— для вопросов об отношении к нарушению правил¹⁰ — по шкале от 1 до 10, где 10 — индикатор развитых качественных социальных норм (нарушение правил порицается, «никогда не заслуживают оправдания»), а 1 — индикатор неразвитых качественных социальных норм (нарушения правил «всегда заслуживают оправдания»). В анализе использованы средние;

— для вопросов об отношении к списыванию — по шкале от 1 до 5, где 1 — индикатор развитых качественных социальных норм (отношение к студенту «очень отрицательное»), а 5 — индикатор неразвитых качественных социальных норм (отношение к студенту «очень положительное»). В анализе использованы средние.

Независимая переменная в модели — год проведения опроса (показатель также отражает курс обучения студента, поскольку данные панельные).

Контрольная переменная — доля самостоятельно заработанных доходов в общей структуре расходов респондента. Предполагается, что этот показатель косвенно отражает наличие работы у респондента в момент опроса, а этот фактор также влияет на формирование ценностей. При этом базовые социально-демографические характеристики не выступают контрольными, поскольку анализируются панельные данные.

Результаты

Результаты анализа показали, что по мере взросления у студентов российских вузов увеличивается лояльность к различным видам оппортунизма (таб.):

— к проезду зайцем в общественном транспорте (результат статистически значим на уровне 5%);

— к неуплате налогов, если есть такая возможность (результат статистически значим на уровне 1%);

— к списывающим студентам (результат статистически значим на уровне 1%).

Для других социальных норм (отношение к получению пособий, на которые человек не имеет права; к получению взятки с использованием служебного положения) также наблюдается рост лояльности к правонарушениям, однако результаты статистически не значимы.

Рост лояльности к нарушению правил показывает, что в ходе обучения в университете у студентов формируются неэффективные для общества социальные нормы, служащие барьерами к кооперации и конкуренции. Другими словами, выдвинутые гипотезы подтверждаются.

Похожие выводы показывает дескриптивный анализ результатов исследования списывания (Magnus et al., 2002). В России студенты лояльнее относятся к списыванию, чем школьники: они в меньшей степени порицают нарушение правил. Обратная картина наблюдается в Нидерландах: студенты более отрицательно относятся к списыванию, чем школьники.

¹⁰ Согласно данным World Values Survey. <http://www.worldvaluessurvey.org>

Результаты регрессионного анализа

Показатель	Зависимые переменные		
	негативное отношение к проезду «зайцем» в общественном транспорте	негативное отношение к неуплате налогов	положительное отношение к списавшему студенту
Опрос 2015 г. (2 курс)	-0,514** (0,244)	-0,731*** (0,227)	0,245*** (0,093)
Опрос 2016 г. (3 курс)	-0,625** (0,259)	-0,802*** (0,236)	0,248** (0,100)
Доля самостоятельно заработанных доходов в общей структуре расходов	0,009 (0,007)	-0,013 (0,008)	-0,005* (0,003)
Константа	4,713*** (0,795)	6,511*** (0,793)	2,169*** (0,488)
N	211	211	211
R ²	0,695	0,656	0,657
Adjusted R ²	0,532	0,472	0,474
Residual Std. Error	1,749 (df = 137)	1,722 (df = 137)	0,684 (df = 137)
F-statistic	4,269*** (df = 73; 137)	3,573*** (df = 73; 137)	3,597*** (df = 73; 137)

* $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$.

Источник: расчеты авторов на основе данных опроса ИНП и Тюнинг-центра в 2014–2016 гг.

Образование или взросление?

Закономерен вопрос о том, выступает ли причиной такой динамики именно система образования или по мере взросления, сталкиваясь с разными жизненными ситуациями, люди «воспитывают» в себе лояльность к нарушению правил. Для исследования этого вопроса проведен анализ данных Всемирного исследования ценностей, использованы данные об уровне социальных норм людей с высшим образованием и без него в странах с разной институциональной средой.

Для ответа на этот вопрос проверялись две гипотезы.

Первая: *в странах с качественной институциональной средой наличие высшего образования положительно связано с уровнем развития социальных норм.*

Вторая: *в странах с некачественной институциональной средой, в том числе в России, наличие высшего образования не связано с уровнем развития социальных норм.*

Для проверки гипотез построены две регрессионные модели для разных типов стран с использованием международных данных на индивидуальном уровне.

Страны с качественной институциональной средой в рамках данного исследования — это 30% стран с наиболее высокими значениями индекса верховенства права (Rule of Law¹¹). Страны с некачественной институциональной средой — это 30% стран с наиболее низкими значениями индекса верховенства права.

¹¹ Согласно данным World Bank, World Governance Indicators, <http://databank.worldbank.org/data/metadataglossary/worldwide-governance-indicators/series>

Зависимые переменные в модели — уровень социальных норм респондента¹² по шкале от 1 до 10, где 10 — индикатор развитых эффективных социальных норм (нарушения правил порицаются, «никогда не заслуживают оправдания», а 1 — индикатор неразвитых эффективных социальных норм, нарушения правил «всегда заслуживают оправдания»).

Независимая переменная — параметр наличия высшего образования у респондента¹³ (бинарная переменная). Контрольные переменные — пол, возраст, уровень дохода, семейное положение, статус занятости.

Результаты регрессионного анализа данных Всемирного исследования ценностей показывают, что в странах с качественной институциональной средой наличие высшего образования положительно связано с уровнем развития социальных норм. В этих странах люди с высшим образованием в большей степени, чем люди без высшего образования, порицают нарушение следующих правил:

- получение государственных пособий, на которые человек не имеет права (результат статистически значим на уровне 5%);
- проезд зайцем в общественном транспорте (результат статистически значим на уровне 5%);
- неуплату налогов, если есть такая возможность (результат статистически значим на уровне 1%);
- получение взятки с использованием служебного положения (результат статистически значим на уровне 1%).

Система образования в таких странах способствует развитию социальных норм, гражданской культуры, которые в дальнейшем обеспечивают развитие гражданского общества, требующего подотчетности власти и развития инклюзивных институтов.

В странах с низким качеством институциональной среды наличие высшего образования не связано с формированием эффективных для общества социальных норм на статистически значимом уровне. В таких странах образование как один из основных институтов трансляции ценностей (Аузан, 2013) как минимум не способствует развитию социальных норм, поддерживающих консолидацию общества. Это значит, что для развития гражданской культуры в странах с некачественной институциональной средой необходимы целенаправленные изменения в системе высшего образования. При условии эффективного изменения дизайна высшего образования возможно развитие гражданской культуры, способствующей экономическому росту.

* * *

Неэффективное институциональное равновесие, сложившееся в России, поддерживается воспроизводством некачественных социальных норм в системе высшего образования. Самовоспроизводящаяся институциональная ловушка, когда общество оправдывает нарушение правил, ведет к тому, что люди не соблюдают правила сами, не ожи-

¹² Согласно данным World Values Survey, <http://www.worldvaluessurvey.org>

¹³ Там же.

дают соблюдения правил от окружающих и вследствие этого не готовы вкладывать ресурсы в общественное благо. Пока неуплата налогов будет оправдываться, общество будет продолжать их игнорировать; если списывание будет оправдываться, то люди будут лояльно относиться к рентоориентированному поведению, когда одна часть общества получает выгоды за счет другой. Вследствие этого укрепляются экстрактивные институты и порядок ограниченного доступа, блокирующие развитие.

Решением этой проблемы может быть постепенное развитие гражданской культуры путем стимулирования общества к консолидации и конкуренции. Международный опыт показывает, что для развития гражданской культуры через образование целесообразны следующие меры.

1. Введение и реализация специальных программ гражданского обучения. Такие программы реализуются в школах и университетах в Нидерландах, Бельгии, Франции на государственном уровне и нацелены на обучение гражданским правам и кооперации (Аузан и др., 2017). Ярким примером может быть программа CASE (Citizenship and Service Education), реализуемая в США в Ратгерском университете. Исследования, основанные на опросах студентов, показали, что такие программы значительно воздействовали на социальные нормы и доверие участников программы (по сравнению с контрольной группой) (D'Agostino, 2006).

2. Корректировка процесса и форматов обучения в целом, например, повышение значимости дискуссионных практик в занятиях, изменение систем оценки, процедур отбора, способствующих созданию внутриуниверситетских ценностей. В частности, крайне отрицательное отношение к списыванию в США связывают с наличием «кодекса чести» в американских вузах.

3. Естественная «трансплантация» неформальных институтов с помощью программ обмена студентами с зарубежными вузами в странах, где качество социальных норм выше. Так, опыт реализации казахстанской программы «Болашак» (международной стипендии, по которой казахстанские студенты проходят стажировку в ведущих компаниях и университетах мира) показал рост социального капитала ее участников (Dairova et al., 2013).

Более конкретные меры по корректировке дизайна российской системы высшего образования могут стать темой отдельного исследования и обсуждения в профессиональной среде. Задача данной статьи — указать на возможность влияния образовательной системы на институциональную среду.

Список литературы / References

- Аджемоглу Д., Робинсон Д. А. (2015). Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ. [Acemoglu D., Robinson J. A. (2015). *Why nations fail: The origins of power, prosperity, and poverty*. Moscow: AST. (In Russian).]
- Аузан А. А. (2013). Миссия университета: взгляд экономиста // Вопросы образования. № 3. С. 266–286. [Auzan A. A. (2013). University mission: An economist's perspective. *Voprosy Obrazovaniya*, No. 3, pp. 266–286. (In Russian).] <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2013-3-266-286>

- Аузан А. А., Авдиенкова М. А., Андреева Д. А., Бахтигараева А. И., Брызгалин В. А., Бутаева К. О., Вебер Ш., Давыдов Д. В., Золотов А. В., Никитин К. М., Никишина Е. Н., Припузова Н. А., Ставинская А. А. (2017). Социокультурные факторы инновационного развития и успешной имплементации реформ. М.: Центр стратегических разработок. [Auzan A. A., Avdienkova M. A., Andreeva D. A., Bakhtigaraeva A. I., Bryzgalin V. A., Butaeva K. O., Weber S., Davydov D. V., Zolotov A. V., Nikitin K. M., Nikishina E. N., Pripuzova N. A., Stavinskaya A. A. (2017). *Sociocultural factors of innovative development and successful implementation of reforms*. Moscow: Center for Strategic Research. (In Russian).]
- Аузан А. А., Никишина Е. Н. (2013). Долгосрочная экономическая динамика: роль неформальных институтов // Журнал экономической теории. № 4. С. 48–57. [Auzan A. A., Nikishina E. N. (2013). Economic dynamics in the long run: The role of informal institutions. *Zhurnal Ekonomicheskoy Teorii*, No. 4, pp. 48–57. (In Russian).]
- Бахтигараева А. И., Ставинская А. А. (2020). Сможет ли доверие стать фактором роста экономики? Динамика уровня доверия у российской молодежи // Вопросы экономики. № 7. С. 92–107. [Bakhtigaraeva A. I., Stavinskaya A. A. (2020). Can trust become a factor of economic growth? Dynamic changes in the level of trust of Russian youth. *Voprosy Ekonomiki*, No. 7, pp. 92–107. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-7-92-107>
- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. (2011). Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Институт Гайдара. [North D., Wallis J., Weingast B. (2011). *Violence and social orders. A conceptual framework for interpreting recorded human history*. Moscow: Gaidar Institute Publ. (In Russian).]
- Полтерович В. (2004). Институциональные ловушки: есть ли выход? // Общественные науки и современность, № 3. С. 5–16. [Polterovich V. (2004). Institutional traps: is there a way out? *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost*, No. 3, pp. 5–16. (In Russian).]
- Полтерович В. (1999). Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. Т. 35, № 2. С. 3–19. [Polterovich V. (1999). Institutional traps and economic reforms. *Economics and Mathematical Methods*, Vol. 35, No. 2, pp. 3–19. (In Russian).]
- Уэйнгаст Б. Р. (2009). Почему развивающиеся страны так сопротивляются верховенству закона? // Прогнозис. № 2. С. 135–163. [Weingast B. R. (2009). Why developing countries prove so resistant to the rule-of-law. *Prognosis*, No. 2, pp. 135–163. (In Russian).]
- Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. A. (2001). The colonial origins of comparative development: An empirical investigation. *American Economic Review*, Vol. 91, No. 5, pp. 1369–1401. <https://doi.org/10.1257/aer.91.5.1369>
- Aghion P., Algan Y., Cahuc P., Shleifer A. (2010). Regulation and distrust. *Quarterly Journal of Economics*, Vol. 125, No. 3, pp. 1015–1049. <https://doi.org/10.1162/qjec.2010.125.3.1015>
- Alesina A., Giuliano P. (2015). Culture and institutions. *Journal of Economic Literature*, Vol. 53, No. 4, pp. 898–944. <https://doi.org/10.1257/jel.53.4.898>
- Charron N., Rothstein B. (2016). Does education lead to higher generalized trust? The importance of quality of government. *International Journal of Educational Development*, Vol. 50, pp. 59–73. <https://doi.org/10.1016/j.ijedudev.2016.05.009>
- D'Agostino M. J. (2006). *Social capital: Lessons from a service-learning program*. Parkville: Park University International Center for Civic Engagement.
- Dairova K., Jumakulov Z., Ashirbekov A. (2013). Government support for student mobility: The case of Kazakhstan's international scholarship program "Bolashak". In: *Global trends in higher education and their impact on the region: Conference proceedings*. Astana: Eurasian Higher Educations Leaders Forum, pp. 92–100.
- Easterly W., Levine R. (2003). Tropics, germs, and crops: How endowments influence economic development. *Journal of Monetary Economics*, Vol. 50, No. 1, pp. 3–39. [https://doi.org/10.1016/S0304-3932\(02\)00200-3](https://doi.org/10.1016/S0304-3932(02)00200-3)

- Engel C. (2011). Dictator games: A meta study. *Experimental Economics*, Vol. 14, No. 4, pp. 583–610. <https://doi.org/10.1007/s10683-011-9283-7>
- Gan N. (2020). Rule of law crisis, militarization of citizen security, and effects on human rights in Venezuela. *European Review of Latin American and Caribbean Studies*, No. 109, pp. 67–86. <https://doi.org/10.32992/erlacs.10577>
- Giuliano P., Spilimbergo A. (2013). Growing up in a recession. *Review of Economic Studies*, Vol. 81, No. 2, pp. 787–817. <https://doi.org/10.1093/restud/rdt040>
- Guiso L., Sapienza P., Zingales L. (2016). Long-term persistence. *Journal of the European Economic Association*, Vol. 14, No. 6, pp. 1401–1436. <https://doi.org/10.1111/jeea.12177>
- Inglehart R. (2008). Changing values among western publics from 1970 to 2006. *West European Politics*, Vol. 31, No. 1–2, pp. 130–146. <https://doi.org/10.1080/01402380701834747>
- Knack S., Keefer P. (1997). Does social capital have an economic payoff? A cross-country investigation. *Quarterly Journal of Economics*, Vol. 112, No. 4, pp. 1251–1288. <https://doi.org/10.1162/003355300555475>
- Magnus J. R., Polterovich V. M., Danilov D. L., Savvateev A. V. (2002). Tolerance of cheating: An analysis across countries. *Journal of Economic Education*, Vol. 33, No. 2, pp. 125–135. <https://doi.org/10.1080/00220480209596462>
- Polishchuk L., Natkhov T. (2012). Institutions and the allocation of talent. *Higher School of Economics Research Paper*, No. WP BRP 15.
- Rodrik D., Subramanian A., Trebbi F. (2004). Institutions rule: The primacy of institutions over geography and integration in economic development. *Journal of Economic Growth*, Vol. 9, No. 2, pp. 131–165. <https://doi.org/10.1023/B:JOEG.0000031425.72248.85>
- Weil F. D. (1994). Book Review of Putnam’s “Making democracy work: Civic traditions in modern Italy”. *Contemporary Sociology*, Vol. 23, No. 3, pp. 373–374. <https://doi.org/10.2307/2075319>

Reproduction of social norms in Russia

Anton V. Zolotov¹, Nadezhda A. Pripuzova^{1,2,*}

Authors affiliation: ¹ Institute for National Projects (Moscow, Russia);

² Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

* Corresponding author, email: n.pripuzova@inp.ru

The article considers the ineffective balance of Russian informal institutions, which is blocking economic development. The possibilities of overcoming the inefficient equilibrium are limited by social norms, which are reproduced, among other things, in the system of higher education. Higher education is one of the most effective channels for transmitting social norms. According to the hypothesis of socialization by R. Inglehart and the hypothesis of “impressionable years” by P. Giuliano and A. Spilimbergo, the period of greatest mental plasticity, when values and behavioral attitudes are formed, falls on the period of early adulthood – from 18 to 25 years. The change in social norms in Russian universities was demonstrated on the basis of a longitudinal sociological survey of students of Russian universities conducted in 2014–2016 in 10 regions of Russia. It is proved that Russian students increase their loyalty to opportunism and violation of the rules as they grow older – there is a reproduction of inefficient social norms.

Keywords: institutions, civic culture.

JEL: O43, Z10, Z13.